Монахиня ИГНАТИЯ

ТРУДЫ РУССКИХ ПЕСНОПИСЦЕВ В КИЕВСКИЙ ПЕРИОД

При изучении песнотворчества Русской Православной Церкви возникает ряд вопросов, знакомство с которыми, хотя бы неполное, представляется необходимым для того, чтобы углубление в суть изучаемого предмета было, по возможности, верным.

Прежде всего обнаруживается, что песнотворческая деятельность русских гимнографов имеет тесную связь с развитием древнерусской литературы, которая, в свою очередь, имеет свои периоды, свои законы развития. В изучении этих периодов отечественные исследователи видят свои, еще далеко нерешенные проблемы. Так, академик Д. С. Лихачев утверждает, что «...чем старше памятники русской письменности, тем вероятнее наличие в них двух алфавитов» (кириллицы и глаголицы). «Исторически нет оснований думать, — пишет исследователь, — что древнейшая двуалфавитность — явление вторичное, сменившее первоначальную одноалфавитность»[1]. Эту теорию академика Д. С. Лихачева другой исследователь В. А. Истрин принимает с оговорками[2]. В последнее время Д. С. Лихачев говорит о литературе как «втором государстве» — о предмете ее, как поиске положительных государственных решений, проводит мысль о том, что «литература — это процесс»[3]. Исследователь И. С. Улуханов считает, что в X—XI вв. на Руси кроме исконного по происхождению восточнославянского (древнерусского) языка существовал и язык церковнославянский (старославянский в своей основе). Книги, написанные на старославянском языке, получили широкое распространение. Канонические книги Священного Писания и книги, связанные с церковной тематикой, написаны на старославянском (церковнославянском) языке. Кроме переводных книг в XI веке имелись на Руси и оригинальные произведения, написанные древнерусскими писателями, среди которых прежде всего упоминается «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона († 1054) *. В основе старославянского (церковнославянского) языка лежит славянская азбука — кириллица[4].

Песнотворчество церковных авторов, составлявших службы русским святым, тесно связано с развитием всей древнерусской литературы в целом и в то же время имеет свои особые, строго очерченные задачи. Несомненно, что язык митрополита Илариона и авторов других оригинальных произведений — сказаний, летописей конца XI — начала XII века был более свободен в изложении избранного предмета, чем язык гимнографа, который должен был быть подчинен тем законам, которые требовались при составлении текстов богослужебного произведения.

Отсюда следующая группа вопросов, предполагающая разрешение при изучении древнерусской богослужебной литературы. Для русского гимнографа уже имелся готовый образец литургических произведений, поскольку к концу X века, когда на Руси было принято христианство, в Византии было уже завершено, по существу, составление чина богослужения. Эти готовые образцы вместе с тем не могли быть механически переписаны русскими гимнографами при составлении служб русским святым. Не говоря о том, что имелись местные особенности, присущие укладу Русского государства, которые не могли не быть отображены в соответствующем произведении — автор службы русским святым должен был писать не только канон (как основное богослужебное произведение), но и значительное количество стихир, седальнов и проч.

Так, просматривая состав песнописцев, участвовавших, например, в составлении службы святым апостолам Петру и Павлу, насчитывается до десяти отдельных имен. Здесь можно отметить, что стихиры на Господи, воззвах составлены Андреем Пирским и Иоанном монахом. Литийные стихиры принадлежат творчеству святых Андрея Критского, Арсения и Германа; стихира на литии помечена, как Византиева. Стихиры на стиховне значатся опять под именем преподобного Андрея Критского, а славная —

* *Молдован А. М.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев, 1984.

Ефрема Кария. Каноны святым апостолам написаны Иоанном Дамаскиным и, наконец, *в славной стихире на хвалитех указано имя Космы монаха — не считая тех церковных* песен, которые идут без обозначения [5].

Гимнограф же, который составлял службы русским святым, должен был иметь такой опыт, такой кругозор и такое художественное дарование, чтобы, излишне не повторяясь, составить хорошо построенную службу, не убавляя количества священных песен.

Необходимо отметить также, что русскому песнопевцу следовало принять уже готовую форму церковной службы, которая сама по себе в Византии слагалась на протяжении многих столетий, начиная с VI до конца IX века. Перед русским создателем церковно-богослужебного последования имелись, таким образом, образцы произведений различных по времени и силе художественного дарования святых и блаженных песнописцев Византии, и выбор поначалу должен был представляться весьма затруднительным.

В стихирах и канонах первого периода русской церковно-богослужебной письменности мы и обнаруживаем определенное заимствование стиля и формы богослужебных произведений у греческих песнопевцев, хотя одновременно определяем и выраженную наклонность противостоять принятым образцам, дословно не повторять принятых выражений. *Этого вопроса необходимо подробно коснуться при анализе соответствующих* церковно-богослужебных служб русским святым.

Очередной группой вопросов, встающих при изучении русского церковного песнотворчества является, по нашему мнению, необходимость соотнесения тех или иных богослужебных произведений с периодами русской истории.

Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, глубокий знаток песнотворчества и песнотворцев Греческой церкви, полагал необходимым делить историю Русской Церкви и духовной литературы на несколько периодов [6]: I период, домонгольский, который автор датирует 862—1237 гг.; II период, монгольский, определяется сроками 1237—1410 гг. (до разделения митрополии). Далее выделяются периоды: III — до введения Патриаршества 1410 — 1588 гг. и IV — от 1588 до 1720 (период Патриаршества). Наконец, во второй книге обзора литературы преосвященным Филаретом *приводятся духовные писатели с 1720 до 1863 г. — периода синодального* управления [7].

Нам представляется, что выделение песнотворчества русского также должно идти по отдельным периодам формирования Русского государства и прежде всего должен быть отчетливо выделен его первый раздел, который может быть обозначен, как «*домонгольский период*», по Филарету Черниговскому, и который одновременно соответствует периоду Днепровской, городской, торговли Руси нашего русского историка В. О. Ключевского [8]. Выделение следующих периодов по историческому принципу представляется не столь обязательным. Для разработки позднейших гимнографических произведений Русской Православной Церкви может быть найден и определен иной ведущий признак. Такого принципа придерживается в исследовании русского литургического творчества Ф. Г. Спасский. Он отходит от деления, предлагаемого преосвященным Филаретом, и строит свой анализ как с учетом определенных исторических эпох, так и с учетом роли отдельных городов и имен отдельных гимнографов [9].

Среди песнотворческих произведений домонгольского периода, периода Днепровской Руси, по В. О. Ключевскому, наиболее ранней является служба святым князьям — страстотерпцам Борису и Глебу, которая относится к авторству митрополита Иоанна.

Здесь необходимо уточнить, что преосвященный Филарет Черниговский указывает митрополита Иоанна Киевского (1180—1189), связывая с ним написание канона святым Борису и Глебу [10], тогда как митрополит Макарий в своей «Истории Русской Церкви» основательно заявляет, что творцом канона и всей службы святым страстотерпцам мог быть только Иоанн I, который, долго пробыв в России, хорошо владел церковнославянским языком, находясь на митрополичьей русской кафедре с 1008 года по 1035 [11].

«...Митрополит Иоанн I, — пишет Преосвященный Макарий, — ...если бы даже не был славянином, мог в совершенстве изучить славянский язык в продолжение своего двадцативосьмилетнего пребывания в России. По всем этим причинам мы не колеблемся признать службу на 24 июля в честь свв. мчч. Бориса и Глеба самым первым и древнейшим литературным произведением в нашей отечественной Церкви, явившимся ок. 1021 года» [12].

К тому же начальному «домонгольскому» периоду русского песнотворчества относится и служба св. князю Владимиру, которую Преосвященный Филарет Черниговский

считает принадлежащей творчеству преподобного Григория, творца канонов, скончавшегося *в начале XII в.* [13].

К гимнографическим произведениям разбираемого начального периода несомненно принадлежит и служба преподобному Феодосию Печерскому.

Относительно служб живших в тот же период Новгородским святителям у Филарета Черниговского нет точных указаний.

Если считать, что достоверными службами, написанными в ранний домонгольский период, являются службы: 1) свв. Борису и Глебу, 2) преподобному Феодосию Печерскому и 3) святому равноапостольному князю Владимиру, то представляется заслуживающим внимания найти в них общие черты, характеризующие раннюю эпоху формирования нашего государства, отражающие развитие идей христианского вероучения, воспринятого Русью после Крещения. Необходимо также дать оценку художественной ценности этих ранних произведений церковной письменности, могущих иметь отношение к установлению степени духовного развития народа в одном из основных проявлений его духовной жизни — в слове.

* * *

Служба святым страстотерпцам Борису и Глебу, которую митрополит Макарий в своем исследовании признает за одну из «драгоценностей нашей духовной литературы» и «самым древним сочинением» в нашей Церкви [14], сочинением, несомненно, *оригинальным, написанным около 1021 г., действительно являет собою капитальный* труд, в котором представлены все разделы праздничного всенощного бдения.

Так, в ней имеются стихиры малой вечерни (на «Господи, воззвах» и на стиховне); тропарь с кондаком и икосом; стихиры на великой вечерни (6 — на «Господи, воззвах»; стихиры на литии и на стиховне); на утрени — седальны (4), седален по полиелее и стихира по 50-м псалме. Далее следуют два канона: на глас 4 и 8; светилен (с Богородичным) и, наконец, хвалитные стихиры со славной [15].

Выше указывалось, как писались службы в Византии и сколько авторов могло участвовать в их составлении. В данной же службе весь объем стихир, канонов, тропаря, кондака и седальнов принадлежит творчеству одного человека. Несомненно, здесь требовался незаурядный талант, чтобы избежать повторений, чтобы сделать отдельные песнопения выразительными, представляющими должное изложение предмета, чтобы за множеством священных гимнов, написанных на одну основную тему, не ушло, а, напротив, подтвердилось основное — восхваление страданий святых мучеников-братьев.

Следует признать, что автор службы, блаженный митрополит Иоанн I не только справился с трудной, вставшей перед ним задачей, но, овладев материалом, дал поистине высокое богослужебное произведение, заслуживающее быть признанным «драгоценностью нашей духовной литературы» [15]

Преосвященный Иоанн достиг этого благодаря тому, что вложил в созданную им службу несколько основных идей, которые и были руководящими для него как при написании стихир, так и канонов, тропаря и других духовных песен.

Прежде всего создатель службы хочет подчеркнуть, что прославление и канонизация святых мучеников Бориса и Глеба — есть первое чудо для *нового, новоизбранного* Святым Крещением *стада Христова.* Эта основная мысль проходит с самого начала богослужения — со стихир на малой вечерни — до хвалитных стихир на утрени.

Рядом с указанным основным направлением всего состава службы очень близко идет идея отечества, родины, *Российской страны,* которая, будучи новопросвещенной, призывается участвовать в радости снискания новых для нее молитвенников и светильников. Мысль эта приводится реже, чем первая основная о новокрещенном стаде Христовом, но тем не менее все время содержится митрополитом Иоанном во внимании, появляясь в отдельных песнопениях.

Наконец, творцу службы, как представителю Церкви Вселенской, очень дорог *догмат Церкви,* о котором наиболее отчетливо он говорит в составленных им канонах. Там же (в канонах) можно отметить большую догматическую зрелость Богородичных, где автором излагается *догмат воплощения.*

Все сказанное нами должно найти свое подтверждение в соответствующих приводимых ниже примерах, причем в заключение необходимо остановиться и на некоторых вопросах, касающихся формы всего произведения в целом и отдельных исторических деталей.

Уже в стихирах на малой вечерни святитель Иоанн спешит закрепить основную найденную им идею о значении Святого Крещения, которое приняли (совсем недавно! — 988—1021) русские люди.

«Приидите вси,— восклицает он во 2-й стихире малой вечерни на «Господи, воззвах»,— о *новоизбранное стадо Христово,* духовно сошедшая восхвалим, благочестиваго вкупе и царскаго корене святую отрасль...» [16]

А в следующей стихире митрополит Иоанн призывает все человечество «да поет ликующи... хвалящи *новопросвещенныя* князи же и мученики...» [17] Святые Борис и Глеб — так же новопросвещенные, как и все новоизбранное стадо русских людей — и творцу стихир дорого это подтвердить.

В первой торжественной стихире великой вечерни автор службы находит другое выражение, чтобы утвердить, закрепить свою основную мысль. Обращаясь к образу страстотерпцев, преосвященный Иоанн говорит о *новых* людях: «О, ...верста божественная же и честная... нам облиста днесь, созывающи *новыя люди,* похвалити предоблия мученики...» [18].

Автор службы, проводя свою основную мысль, все время следит за тем, чтобы не повторяться в выражениях, чтобы тем самым мысль была подана и освещена с различных сторон, а потому и воспринималась бы с утешением и любовью.

Поэтому, будучи верен своей идее, он говорит ниже в службе вечерни, в стихирах на стиховне: «Приндите, *новокрещеннии* российстии собори...» [19].

Мы видим здесь, таким образом, богатое развитие лексики языка при всех затруднительных условиях и канонах составления церковного гимнографического произведения. Здесь термины: *новоизбранные, новопроосвещенные* и рознятся и соединяются с терминами *новые и новокрещенные.*

В канонах указанная мысль повторяется редко, уступая место другим идеям. Только в заключение, в 8-й песни первого конона преосвященный Иоанн говорит, обращаясь к святым мученикам: «Богоявленнии и *новии* страдальцы Тебе, Христе, Единаго возлюбиша» [20].

Мысль об *отечестве* святых мучеников и о *людях российских* идет рядом и параллельно первой идее о новопросвещении. Уже на малой вечерни в первой стихире эта мысль выражается очень отчетливо. «Всесвятая, светлая и многопраздничная воссия память ваша *Российским странам* днесь...» [21],— пишет автор службы, обращаясь к святым мученикам.

Дальше идет воспевание отечества, и на великой вечерни, в стихире на «Господи, воззвах» — Преосвященный Иоанн восклицает: «Блаженно *отечество и град,* в немже воспитастеся... Романе славне и Давиде пречудне...» [22]. И в следующей стихире, обращаясь к святым мученикам, он называет их удобрением земли Российской: «...*земли Российския удобрение...*» [23]. В канонах имеются отдельные упоминания того же характера, а в икосе подробно разбирается вопрос о том, кем был святой Борис по существу своему и как он явился небесным заступником за свое отечество. «...Власть велия был еси твоему *отечеству, во всей земли Российстей...*» [24]. Заключительная стихира на хвалитех еще раз печатлеет ту же мысль: «... радуйтеся, яко люди ваша ко истинней вере наставляющии, Романе пречудне, и незлобиве Давиде *отечеству вашему* пресветлии светильницы, к молитвеницы о душах наших» [25].

Выделенные нами из произведения Преосвященного Иоанна основные идеи указывают, как шло построение этого большого и сложного труда, каковой является *вся* служба святым мученикам Борису и Глебу. И она, подлинно, не была бы произведением, если бы автором ее не были найдены основные, скрепляющие ее, соединяющие, цементирующие идеи. Насколько эти идеи общи и едины, настолько же они — жизненны, очевидны. Идея святого Крещения Руси и отсюда идея родины, Отечества, возникшего из тьмы язычества, есть то незыблемое качество, которое лежит в основе первого богослужебного русского произведения — службы святым мученикам российским — Борису и Глебу.

Преосвященный Иоанн, как указывалось выше, скрепляет свои строки и еще одной великой идеей — *догматом о Церкви.* О ней мы слышим уже в стихирах на малой вечерни: «Да радуется радостию все человечество днесь, и да поет ликующи божественными песньми *Христова церковь...*» [26]. Для митрополита Иоанна — творца службы Церковь Христова была живым, сущим организмом; Ее он призывает в свидетели, восхваляя святых мучеников. Обращаясь ко всему миру, святитель с особой любовью устремляется к Святой Церкви и восклицает в каноне: «Веселием веселится *Христова Церковь* в память вашей святыни...» [27].

Это утверждение блаженного Иоанна показывает, какой верности, какой догматической зрелости достигали святители нашей Церкви уже в первый домонгольский период Ее бытия. Отсюда лишний раз вызывает недоумение настойчивое, неоднократное утверждение профессора Е. Е. Голубинского о том, что в данный период в нашем государстве не было подлинного просвещения, не было и условий для него, а была

лишь грамотность [28]. И, напротив, принимается с доверием мнение академика Б. Д. Грекова о том, что условия эти имелись в Киевской Руси и что творец-поэт «Слова о полку Игореве» имеет «мировые масштабы» [29].

Преосвященный Иоанн показывает себя догматистом и в Богородичных своих канонов, когда в краткой и отчетливой форме свидетельствует о догмате богочеловечества Христова: «...*блаженну Тебе именуем христианстии вси роди*», *пишет он в 4-й песни* 2-го канона, «яко Бога рождшую воистину, и не мечтанием: совершенна обоима, Божества естеством и законом человечества» [30].

Что касается внешней стороны труда Преосвященного Иоанна, то в нем можно отметить известные подражания византийским образцам, однако они единичны. Так, в стихирах на «Господи, воззвах» имеется повторение в обращении к святым мученикам некоторых отдельных выражений из службы святым апостолам Петру и Павлу («Киими похвальными венцы...») [31]. Стихира по полиелеи на слава и ныне заимствована из общеупотребительных греческих образцов («Солнца облаче разумнаго...»). Далее канон Пресвятой Богородице на утрени «Невещественная древле лествица...» сознательно взят митрополитом Иоанном из воскресной службы октоиха 2-го гласа [32]. Ирмосы канонов также даны по Октоиху, но это — закономерное явление поскольку на Руси были известны основные богослужебные книги в переводе на церковнославянский язык.

Гораздо существеннее другое. Оба канона святым являются оригинальными произведениями и при общеупотребительной форме (восемь песен в каждом и в каждой песни — один ирмос и четыре тропаря) каждый имеет отличное от другого содержание. Так, если первый тропарь первой песни первого канона святым начинается обращением ко святым мученикам — второй в аналогичном тропаре содержит обращение за помощью ко Христу [33]. Каноны изложены кратко, тропари красочны, каждый из канонов имеет свою тему; не отмечается в аналогичных песнях ни повторения мыслей, ни словесных образов. О достоинстве стихир, содержащих основные идеи их автора, говорилось выше.

Особой теплотой содержания выделяются отдельные стихиры, чаще всего первые, начальные в ряду, как стихиры на «Господи, воззвах», так и стихиры на стиховне или на хвалитех. То же следует сказать и о заключительных или последних стихирах, как бы результирующих весь состав и строй мыслей. Так, в первой стихире на стиховне (вечерня) читаем: Приидите, целомудрия любители, честную двоицу почтим Христа возлюбившую... иже душами и телесы чистии, и сокрушившия демонские полки» [34].

В данной стихире — глубокая любовь к святым мученикам и одновременно замечательная поэзия слова.

Еще выразительней краткая стихира на хвалитех (3-я). «*Яко един свет во двою телеси*» богословствует преосвященный Иоанн, «мир просвещаете чудесными блистании, страстотерпцы Господни...» [35].

Нам хотелось бы закончить разбор первого богослужебного русского произведения святителя Иоанна мыслями современного нам академика Д. С. Лихачева о том, что литература это «второе государство», что предмет литературы — поиск положительных государственных решений. Таким представляется, особенно в своих избранных местах, состав службы святым страстотерпцам Борису и Глебу.

Древность службы подтверждается также и молитвой составителя ее о том, чтобы остановлены были «поганых шатания». В Богородичне 5 песни 2-го канона Преосвященный Иоанн восклицает: «...О Мати Божия! певцы твоя посещающи, *поганых уставляй шатания*» [36]. И в песни 9-й, в обращении к святым мученикам — братьям звучит та же просьба: «...помощницы поспешни бываете, свыше *уставляюще... поганых шатания*» [37]. По разъяснению архиепископа Черниговского Филарета термин «поганые» означает врагов Древней Руси — половцев и печенегов [38].

Следующим по времени (за митрополитом Иоанном) песнопевцем должен быть признан инок Печерского монастыря, Григорий, живший в конце XI — начале XII в., которому тогда уже усвоялось имя творца канонов. Филарет, архиепископ Черниговский, именует его преподобным и относит к его творчеству службы — равноапостольному князю Владимиру и преподобному Феодосию Печерскому [39]. Профессор Е. Е. Голубинский склонен считать службу на перенесение мощей Святителя Николая принадлежащей также перу преподобного Григория — «не без некоторой вероятности» [40]. Остальные историки Русской Церкви (митрополит Макарий, А. Доброклонский) не дают подобных указаний. Архиепископ Филарет Черниговский допускает в своей книге 1849 г., что иноку Григорию принадлежит и канон великомученику Георгию на 26-е ноября [41].

При изучении творчества преподобного Григория оно представляется в значительной степени отличным от такового митрополита Иоанна.

В иноке Григории определяется большой художник, по существу поэт духовный, берущий воспеваемое им событие и святых с широких духовных позиций, проводящий глубокие параллели (которых он не страшится) с событиями и именами великих святых Нового и Ветхого заветов. Преподобный Григорий проявляет себя как зрелый богослов, являющийся так же, как и митрополит Иоанн, провозвестником величия своей родины — Великой Киевской Руси и самого града Киева. Не случайно, по-видимому, при жизни еще снискал он, как указывалось, имя «творца канонов».

Служба святому равноапостольному князю Владимиру полна высокого и светлого восторга ее автора, что проявляется уже в стихирах.

«Веселится вечно светло сияющи гора Синайская,— вопиет преподобный Григорий в стихире на «Господи, воззвах»,— Моисейским освятившися законом... светло же сияя, веселится и радуется великий град твой, Василие. Не яко во мраце, но яко в Дусе Сына со Отцем видя в себе славима...» [42]. Какое дерзновенное сравнение града Киева с горою Синайскою и какое одновременно светлое богословие Святой Троицы! Это, воистину, был период великих дел и великих душ в новопросвещенном Христовою верою государстве!

Святого Владимира песнопевец сравнивает со святым апостолом Павлом и равноапостольным царем Константином, именуя его отцом российским, отцом духовным, указывая, что звание его — не от человек.

«Первый повинул еси багряницу, приснопомнимый княже, волею Христу, того познав Бога...» [43],— славословит князя Владимира песнопевец в хвалитных стихирах. И добавляет дальше: «Не от человека звание приял еси... приял же паче, славне, сие свыше, Владимире апостоле, от Христа Бога...» [44].

В службе святому князю Владимиру имеется два канона.

Первый канон равноапостолу блаженный Григорий начинает с присущей ему широты исповедания веры. «Собезначальное Слово Божие,— пишет он в 1-м тропаре 1-й песни этого канона,— иже древле четырем стихиям творец и теми весь мир сотворивый, связанную страстьми душу мою разреши, яко да воспою ликуя славнаго князя Василия» [45].

Далее в каноне, сохраняя тот же возвышенный и одновременно светлый тон, блаженный Григорий просит послать «светлость душам», чтобы «достодолжно похвалити чуднаго князя Василия» [46].

В каноне проходят высокие параллели с праведниками Ветхого завета — здесь и Моисей, и Даниил, здесь воспоминание греха Адама и опять дается образ горы — теперь уже в пророчестве великого Исаии. Здесь вновь превозносится престольный город.

А в песни 8-й, действительно, уже не аллегорически восхваляется град Киев. «Мати всех градов воистинну царства твоего град явися Киев,— пишет блаженный песнописец,— в немже Христос прежде со Отцем и Духом прославися, твоею прамателию и тобою блаженне» — и заключает тропарь: «идеже мужественное твое тело лежит светло в церкви Владычицы...» [47]. Здесь — важное свидетельство в пользу древности написания канона; здесь же знаменательно и воспоминание святой равноапостольной княгини Ольги.

Второй канон князю Владимиру написан на другой глас — и в другом ключе — в нем нет тех высоких подобий, что отмечается в первом, одновременно с прославлением князя Владимира в нем подробно развивается идея Крещения Руси.

В песни 4-й этого канона песнописец говорит: «Чудо страшное и преславное и неизглаголанное совершает Владыка Христос: основляет бо божественным крещением всю Российскую землю и просвещает князя Василия» [48].

Таким образом, в каноне равноапостолу русскому повествуется о христианстве Киевской Руси, прославляется его предыстория, ублажаются и первые святые русские, канонизированные Церковью братья — страстотерпцы.

В этих же канонах наряду с усердным восхвалением имени Живоначальной Троицы (что приведено выше) блаженный Григорий находит возможность изложить свое исповедание догмата воплощения Христова.

В приведенном анализе службы святому равноапостольному князю Владимиру очевидны все те особенности в творчестве преподобного Григория, о которых сказано выше. Это — большой духовный поэт, владевший свободно церковнославянской речью, пластично и образно выражающий высоту христианского учения, глубоко и правильно оценивающий период великой Киевской Руси, ее историю, ее великих деятелей и подвижников.

Анализ другой службы — преподобному Феодосию Печерскому позволяет открыть много общих положений с теми, которые присущи службе святому равноапостольному князю Владимиру.

Эта служба — произведение высокоодаренного человека, который знает различие отдельных церковных песен и умеет придать наиболее ответственным из них высокое торжество и победное звучание и, напротив, там, где следует дать умеренный пафос повествования, проникновенно изложен дух Христовой Церкви.

Служба преподобному Феодосию Печерскому более полная, чем святому князю Владимиру, содержит последование малой вечерни, хотя количество стихир на великой вечерни меньше, чем таковое в службе равноапостольному князю Владимиру.

Стихиры на великой вечерни проникнуты высоким духом исповедания христианских догматов и имеют соответствующий творческий стиль.

Высокое богословие сохраняет песнотворец и в литийных стихирах, ублажая преподобного Феодосия, как того, кто «тройческую благодать прием» и «Господа самолично виде» [49]. Здесь же говорится о преподобном авве, как «строителе верном обители Божией Матере», о составлении Ей храма, «*...в немже поюще, молим...*» [50].

Последние указания важны как имеющие отношение к историческим фактам.

Каноны преподобному Феодосию построены различно. Если первому присуща торжественность и употребление сопоставительных подобий, во втором — более мягкое и ровное повествование. Оба канона начинаются обращением за помощью к святому, но каждое обращение не повторяет другого.

Уже в первой песни первого канона автором, как в службе святому князю Владимиру, даются сравнения преподобного Феодосия с апостолом Павлом и пророком Иеремией, а далее — в песни 4-й — с житницей святого Иосифа [51].

Составителю канона очень дорог образ преподобного Феодосия, как иерея Божия, приносящего бескровную жертву. Об этом он пишет в обоих канонах.

Вместе с тем преподобный Григорий, как инок Печерской Лавры, не может умолчать и о подвигах их аввы, основоположника их общего жития и в песни 6-й первого канона с любовию исчисляет труды их отца. «Подобися ноги умывшему своим ученикам, богомудре,— восклицает он с любовию,— воду черпати и на раму носити изволил еси, и древа своими рукама принося и сеча, начальника трудов себе монахом показал еси» [52].

И наряду с этим — беззаветная любовь к составителю их общего жития исторгает у автора признание его святости.

Но творец канона нигде не забывает сказать и о высоких Таинствах христианских и свидетельствует, что святому авве Феодосию «сшествовавше... всех Творца благодать Духа...» [53].

Характерно, что, подобно тому, как мы обнаруживали в службе святому равноапостольному князю Владимиру, и в данной службе преподобному Феодосию утверждается высокая гражданственность эпохи Киевской Руси и превозносится сам престольный град Киев.

В заключительной песни первого канона преподобный Григорий восклицает, обращаясь к Русской земле: «Радуйся, земле Росская, приемши сокровище некрадомо от Господа, помощника велика богоблаженнаго и заступника тепла Феодосиа». И заканчивает тропарь: «И с ликом постническим веселися и ты, начало граде Российский!» [54].

Во втором каноне преподобный Григорий фиксирует внимание на создании преподобным Церкви Божией Матери. Это событие, таким образом, является одним из ведущих, живым, насущным в жизни созданного братства — устроение Церкви Успения Богородицы.

В заключение краткого анализа службы необходимо отметить, что в Богородичных своих канонов преподобный Григорий излагает исповедание догмата вочеловечения Христова.

Иногда, как подлинный служитель слова, как выразитель тех высот, которых в Киевский период достигло слово духовной литературы, он пишет: «Воплощься от пречистых Твоих ложесн, Дево пресвятая, Божие Слово, всем *просвети богоразумия любовь...*» [55].

Аналогичны и другие Богородичны разбираемых канонов, в которых наряду с точностью выражения догмата воплощения всегда имеется особо найденная глубина *слова*.

Поскольку имеются указания историков Русской Церкви о том, что иноку Григорию могут принадлежать службы на перенесение мощей Святителя Николая Мирликийского и на освящение церкви в честь великомученика Георгия, целесообразно кратко отметить и эти литургические произведения.

В этих службах сохраняется стиль высокого и радостного воспевания святых, который был отмечен в разобранных выше произведениях блаженного Григория. В обеих службах содержится и богословие — преимущественно это догмат воплощения, а также, что очень важно для определения авторства песнопевца, имеются отчетливые ссылки в обоих трудах на время, соответствующее их написанию.

По указанию А. Доброклонского, воспоминание перенесения мощей Святителя Николая, имевшего место в 1087 г., скоро появилось и в России. А. Доброклонский пишет, что праздник этот имел чисто русскую окраску, так как к воспоминанию о перенесении мощей Святителя присоединялись выражения благодарности о благодеяниях Святителя Николая русскому народу и праздник этот принял «русский колорит» [56].

Творец службы ублажает Святителя Николая в стихирах. Высокого духа полны и тропари канонов Святителю (особенно первого).

В канонах встречаются образцы богословской мысли: «Благословен небесе и земли Творец, Бог Вседержитель, Отец безначальный и всесильный, и Сын прежде век, от недр отрыгновенное Слово... и Дух исходяй Святый. Троице Святая, слава Тебе» [57].

Таково и богословие воплощения Бога Слова в Богородичных.

Имеются в службе перенесения мощей Святителя Николая и указания на время ее написания: живая реакция на то, что мощи Святителя перенесены к латинянам. «Пастырь Христова стада,— взывает творец канона в 1-й песни 1-го канона... *иным овцам* посылаешися, к *латинскому языку*, да вся удивиши чудесы твоими...» и заканчивает: «...и о нас молися непрестанно» [58]. А в заключительной 9-й песни свидетельствуется: «Благословен Господь Бог наш, яко прослави Святителя во странах... в Мирех и в латинех вся исцеляюща, и в России милостивно посещающа» [59].

Это яркое свидетельство современника, жившего в конце XI — начале XII века.

Примерно то же можно сказать и о службе святому великомученику Георгию, совершаемой 26 ноября в память освящения в его имя храма, который создал Ярослав в Киеве «пред враты святыя Софии».

В тексте службы очень ярко отражено, что она относится к празднику, совершаемому в граде Киеве, что составлена она применительно к только что возникшему торжеству.

Это отчетливо обнаруживается уже из строк тропаря (который так же значителен по объему, как и многие тропари служб Древней Руси).

Совершенно очевидно, что в службе имеется свидетельство о ее составлении именно к дню торжества, она современна освящению храма святого великомученика.

В тексте службы, которая короче службы на перенесение мощей Святителя Николая, сохраняется стиль высокого духовного видения творца и имеются особенно запоминающиеся выражения.

В этой службе имеются и параллели с Ветхим Заветом, что характерно для творчества инока Григория, как было отмечено выше.

Отмеченные признаки свидетельствуют как о древности разбираемой службы святому великомученику Георгию, так и о высокой культуре слова, которая была сохранена в такой сложной форме выражения, как уставное богослужебное произведение.

Разобранными службами, по существу, исчерпываются труды русских песнопевцев начального периода Киевской Руси, заканчивающиеся 1120 г., датой предполагаемой кончины инока Григория, творца канонов [60].

Святые этого периода, среди которых очень много имен иноков Печерских, остались невоспетыми современниками и были прославлены позднее. Так и знаток русской духовной литературы, Преосвященный Филарет Черниговский, указывает, что в XV в. при написании жития преподобного Варлаама Хутынского — святого Киевского периода — имелись в его обители краткие данные о жизни и канон преподобному Варлааму [61]. И в других обителях могли иметь место аналогичные явления, однако труды эти не сразу стали церковным достоянием, не скоро были усвоены богослужением Русской Церкви.

Здесь имеются только отдельные соображения отдельных историков. Так, в службе святой равноапостольной княгине Ольге Преосвященный Макарий, митрополит Московский, склонен отнести ряд стихир, в которых имеется указание на то, что эти церковные произведения соответствовали начальному периоду Русского государства к творчеству авторов этого периода.

Просвященный Макарий приводит в связи с этим стихиру на «Господи, воззвах» из службы княгини Ольги: «Духовно возвеселитеся Российстии концы, память чтуще Ольги богомудрыя; молится бо ко Христу с чудотворцами и учениками, помощницу

имущи Святую Богородицу, избавитися от бед и печалей, верою поющим ю, и *кланяющимся раце нетленнаго ея тела»* (подчеркнуто м. Макарием) [62].

В 3-й песни канона святой равноапостольной Ольге имеется также молитва о мире и избавлении от поганых. «...Мольбу ти, Ольго, приносим... проси мира и *на поганыя победы* и душам нашим оставление грехов...» [63]. Эта молитва о победе *на поганыя* как в приведенном тропаре, так и в 3-м тропаре 5-й песни канона, на который ссылается Преосвященный Макарий «...не предаждь нас *в руки поганых»* [64] — есть также указание на древность приводимых песен канона, поскольку архиепископ Черниговский Филарет утверждает, что молитва об избавлении от нашествия *поганых* — есть указание на набеги половцев.

Митрополит Макарий высказывает кроме того предположение, что многие русские люди, в том числе и митрополит Иларион, мог составить службу святой равноапостольной княгине Ольге (по Филарету Черниговскому, указанная служба княгине Ольге составлена Пахомием Логофетом в XV в.) [65].

* * *

Заканчивая разбор первых русских богослужебных трудов, несущих в себе отпечаток величия полутора столетий после приятия христианства, мы не можем пройти мимо одного литургического произведения того раннего периода, мало отраженного в нашей духовной литературе. Разумеем здесь «исповедание веры» митрополита Илариона при поставлении его в этот высокий сан.

Если многим известно его «Слово о Законе и Благодати», если на него ссылаются и авторитетные литературоведы наших дней (Д. С. Лихачев, Б. Д. Греков и др.), то не менее замечательное слово об исповедании веры мало известно даже специалистам.

Это слово — подлинное литургическое произведение и одновременно замечательный образец древнерусской речи, достигшей в устах подвижника Русской Церкви, каким являлся святитель Иларион, своей предельной глубины, выразительности и силы.

Вот выдержки из этого замечательного исповедания. «Верую в Единого Бога, славимаго в Троице, — пишет святой Иларион,— Отца нерожденнаго, безначальнаго, безконечнаго, Сына рожденнаго, но также безначальнаго и безконечнаго, Духа Святаго, исходящаго от Отца и в Сыне являющагося, но также собезначальнаго и равнаго Отцу и Сыну; в Троицу Единосущную, но Лицами разделяющуюся, Троицу в именованиях, но единаго Бога. Не сливаю разделения и не разделяю единства. Соединяются (Лица) без смешения и разделяются нераздельно... Ибо в Троице едино Божество, едино Господство, едино Царство. Общее трисвятое возглашается херувимами, общее воздается поклонение от Ангелов и человеков, едина слава и благодарение — от всего мира...». Здесь — его исповедание догмата о Святой Троице. Далее идут замечательные слова о догмате воплощения Сына Божия. «...Верую и исповедую,— пишет святитель,— что Сын по благоволению Отца, изволением Святаго Духа, сошел на землю для спасения рода человеческого, но небес и Отца не оставил; осенением Святаго Духа, вселился во утробу Девы Марии и... родился... сохранив Матерь Девою... и в рождении Своем, и прежде рождения, и после рождения, но не отложив Сыновства. На небеси Он без матери, а на земле без Отца. Воздоен и воспитан Он, как человек, и был истинным человеком, не в привидении, но истинно в нашей плоти, совершенный Бог и совершенный человек, в двух естествах и хотениях воли. Что́ был, того отложил, и что не был, то приял. Пострадал за меня плотию, как человек, по Божеству пребыл безстрастным, как Бог. Умер Безсмертный, чтобы оживить меня мертваго... Возстал, как Бог, тридневно воскрес из мертвых, как победитель, Христос, Царь мой, и после многократных явлений... восшел на небеса к Отцу, от Котораго не отлучался, и сел одесную Его...».

Так, полно, верно, с таким внутренним пламенем изъяснял святитель Иларион исповедание Веры, а это было всего через 60 с небольшим лет после того, как Русь приняла христианство (1051 г.). Какой же глубины и силы было это приятие веры, что так истинно, с таким глубоким чувством, в таком прекрасном русском слове было оно выражено! Воистину, Русь могла смело смотреть вперед в эту раннюю эпоху ее возрастания, она и была в эту пору сильнейшим государством в Европе.

Далее продолжает свое исповедание святитель: «...Святую и Преславную Деву Марию именую Богородицею, что Ее и с верою поклоняюся Ей. И на святой иконе Ея зрю Господа младенцем... Ея и веселюсь. Вижу Его распятого и радуюсь... Также и взирая на святых Его угодников, славлю спасшаго их. Мощи их с любовию и верою целую... К Соборной и Апостольской Церкви притекаю; с верою в нее вхожу, с верою молюся, с верою исхожу».

Так незаурядно смог митрополит Иларион выразить догмат об иконопочитании, о святой Церкви, так живо изобразить свою веру!

«Так верую и не постыжуся, — заключает свое исповедание святитель, — исповедаю пред народами и за исповедание готов положить душу мою» [66].

Архиепископ Филарет Черниговский, анализируя приведенное «исповедание веры» митрополита Илариона, свидетельствует, что «вера митрополита Илариона была не делом одной мысли, а делом всей души, всей жизни; оно же (исповедание) показывает, что блаженный Иларион понимал веру ясно, точно и превосходно» [67]. Для нашего времени чрезвычайно важно и знательно мнение такого великого богослова, каким был святитель Черниговский. Мы не касаемся изложения «Слова о Законе и благодати» митрополита Илариона, поскольку оно чрезвычайно подробно анализируется почти всеми историками Русской Церкви, а также и потому, что не имеет прямого отношения к теме нашего разбора русских литургических произведений.

К концу XII в. указывается еще один автор, связанный с прославлением святителя Леонтия Ростовского — Преосвященный Иоанн, епископ Ростовский.

Дату прославления архиепископа Черниговского Филарет связывает с 1164 г. [68], а профессор Е. Е. Голубинский — с 1194 г. [69]. Следует при этом отметить, что Е. Е. Голубинский говорит о каноне одному святителю Леонтию, написанном епископом Иоанном, а архиепископ Филарет предположительно высказывается и о службе прославленному тогда же святителю Исаии Ростовскому [70]. В Минее месячной служба святителю Леонтию положена на 23 мая, а святителю Исаии — на 15 число того же месяца.

Служба святителю Леонтию подробна; в ней имеются стихиры малой вечерни, 8 стихир (со славной) на «Господи, воззвах» великой вечерни. Утреня содержит седальны и канон, надписанный «творение Иоанна епископа». Выразителен тропарь, где священномученический подвиг святителя Леонтия назван апостольским.

В связи с указанием архиепископа Филарета Черниговского на то, что вместе со службой святителю Леонтию могла быть написана и служба святителю Исаии, представляется не лишенным основания рассмотреть некоторые детали службы и этому второму Апостолу Ростовской земли.

В службе привлекает внимание то, что творец ее говорит о создании в Ростове «новых людей», «новой Церкви». Так, уже в первой стихире на «Господи, воззвах» указывается, что святитель просвещал «новокрещенныя люди светом богоразумия» [71], и ниже, что святитель «научил... новокрещенныя люди неподвижным быти по Христове вере...» [72].

Эта же мысль неоднократно запечатлевается и в тропарях канона.

Второй особенностью канона святителю Исаии является то, что в нем предельно четко показывается, кем был для Ростовской земли святитель Леонтий и какое место занимает святитель Исаия. «Преславный и чудный Леонтий, — говорится в 4-й песни канона, — яко благоцветущ сад насади Ростовския люди... ты же, блаженне, до конца сих напоил еси твоим ученьем и ко Христу зрел плод принесл еси...» [73].

В стихире по 50-м псалме творец службы утверждает святителя Исаию: «Христос показа второе светило в Ростовстей Церкви» [74].

Служба святителю Исаии написана тогда, когда память Леонтия первоапостола Ростовского праздновалась уже 23, и с другой стороны, тот факт, что все время подчеркивается идея «новых людей» в Ростовской Церкви, а также то, что святой Исаия является *вторым* по святителе Леонтии и больше не упоминается никакого имени иного, может в равной степени говорить и о древнем происхождении данного богослужебного произведения.

В обеих службах отмечается определенная доля подражания ранее сложенным церковным песням, в них нет стремления дать и расшифровывать великие богословские истины — и вместе с тем в обеих службах подкупает их искренность, простота, их поистине святоотеческое смирение. Задача дальнейших исследований — точно установить имя творца службы святителю Исаии.

* * *

Наконец, в последней четверти XII в., изучая песнотворческое наследие Русской Церкви, мы встречаемся с великим образом святого Кирилла, епископа Туровского, который кроме нравоучительных произведений (слов на Господские праздники) и душеполезных наставлений писал также тексты молитв и канонов, из которых исследователями выделяется особенно канон покаянный [75]. По определению церковного историка А. Доброклонского, «слава» о святом Кирилле «гремела по России» [76]. Современники называли его «Российским Златоустом» [77]. Православная Русская Церковь в

1983 году отметила 800-летие со времени преставления святого Кирилла, опубликовав одно из его произведений и приведя слово на день его памяти [78].

Литературное достояние святителя Кирилла обширно. Оно достаточно подробно изучено в прошлом, оно, несомненно, составит предмет изучения и в будущем. Исследование это может пойти по различным направлениям — даже и для специалистов в области изучения древней русской литературы.

В данном случае можно только кратко коснуться некоторых основных положений в творчестве святого Кирилла как литургиста-песнописца.

Канон молебный святителя Туровского весь подчинен задаче глубокого, внутреннего самовоззрения, плачу о грехе и смиренному покаянию — тому, что составляет соль и основу правильной внутренней жизни. Не случайно поэтому и в наши дни проповедник памяти святого Кирилла Туровского избирает для своего слова обращение святого Кирилла к душе своей: «Господи!.. Куда обратиться, чтобы спасти душу свою?» [79].

В молебном каноне святитель Туровский, обращаясь к душе своей («Душа, не отлагай времени покаяния», «Ты знаешь, душа, бодрое покаяние») [80], приносит и изложение своей веры в Святую Троицу.

Замечательно по своему словесному богатству и благородству обращение святого Кирилла к Богоматери. «Разумное утро, Богородице и заре безначальнаго света, — восклицает он в стихире на стиховне своего канона, — восток сияния славы Отча... О Мати светлыя чистоты! сотвори мене сына дни и чадо света» [81]. Таково славословие Божией Матери в блаженных: «Марие — небесное кадило! Божественный угль в себе имела еси... Богородице, пресвятое имя, спаси душа наша» [82].

Невозможно в кратком очерке просмотреть и все молитвы святителя Туровского. Но если остановиться хотя бы на некоторых начальных строках их — уже делается очевидным, каким большим внутренним чувством объята была душа святого, когда в тишине своей келии, уже в преклонном возрасте он составлял свои молитвы на каждый день недели. Эти обращения к Господу, Божией Матери и святым каждый раз содержат новую и живую мысль христианина.

Примечательно размышление святителя при наступлении пятницы: «Крест — души возстание, и живот вечный,— пишет он,— Свет — Сын Божий. Крест — слава Ангелом. Крест — супостатом победитель и избавитель человеком...» [83]. Так же выразительны его обращения к Матери Божией, святым ангелам и всем святым.

В субботу душа святителя прежде всего выражает благодарность и хвалу Богу: «Хвалю Тя, Господи Боже мой, пою и величаю Тя, Господи, и Славлю Твою благостыню...» [84]. Кончаются дневные молитвы святителя кратким субботним обращением к Творцу: «Сподоби мя, Господи, сия заря и само то солнце видети и без греха сохранену ми быти Твоим заступлением, Владыко, и даждь похвалити непобедимую силу Твою...» [85].

Комментарии здесь излишни — настолько молитвенные воздыхания святителя Кирилла Туровского говорят сами за себя. Мы можем только еще раз выразить изумление перед силою слова русского, умевшего в начальные периоды формирования русского богословия дойти до такого совершенства в изображении тончайших внутренних движений человеческой души.

Почти в те же годы, что жил святой Кирилл в городе Турове, в другом, сравнительно близко расположенном Полоцке, формировалась жизнь и подвиги замечательной русской инокини — преподобной Евфросинии Полоцкой. Вся жизнь ее — подвиг и горение, любовь ко Христу с юных лет, любовь к святой книге, переписка книг, созидание монастырей и храмов — и, наконец, в условиях тяжелого передвижения по дорогам XII века — путешествие в святые места и кончина в Иерусалиме — в 1173 г. Жизнь и подвиги ее воспеты в составленной ей службе, и, кажется, больше всего выражает суть ее жития — тропарь. «Подражающи дванадесятолетна дванадесятолетну Христу, учившему во святилище Божию слову,— поется в нем, — последовала еси, Евфросиние. Славу временную и земного обручника оставльши, и вся мирская презревши, краснейшему паче всех Христу себе уневестила еси, крест вземши... во благоухании мира в Небесный чертог востекла еси...» [86].

Творец канона русским святым посвятил преподобной Евфросинии Полоцкой отдельный тропарь в 5-й песни: «Евфросинне, радование Полоцкое и девам сияние,— восклицает он,— Христе мой, Тебе привожу молитвенницу...» [87].

Таков период Киевской Руси. Таковы в нем люди, как бы несоизмеримые с тем, что будет позднее в России. Таковы в нем святые мужи и жены, апостолы и равноапостольные жены, святители и священномученики, иноки и инокини.

И хотя период этот имеет свои тяжелые и кровавые страницы, величие душ святых в этот период как бы возвышается и царствует над всеми последующими обра-

замн святых несоизмеримым объемом своих слов и дел, своих писаний, своих свершений, в которых как бы предначертывается путь последующих поколений святости русской.

* * *

Заканчивая наш далеко не полный обзор песнопения Русской Церкви в ее первый Киевский домонгольский период, считаем необходимым остановиться на памяти тех святых, которые освятили мученической кончиной землю нашу еще задолго до того, как она приняла христианство.

Это — воспоминание седмочисленных святителей, которые насаждали веру Христову и были епископами в пределах нашей родины — в Херсоне (Херсонесе) — еще в IV в.

С воспоминания их святой памяти начинает канон русским святым его современный составитель.

«Радуйтеся, святителие седмочисленнии: Василие, Ефреме, Евгение, Капитоне, Евферие, Елпидие и Агафодоре, — взывает творец канона в первых тропарях первой песни, — в Херсоне епископствавшии и землю нашу кровьми своими освятившии»[88].

Воспоминание это тем более знаменательно, что имеется канон святителям, принадлежащий перу знаменитого гимнографа Византии — преподобного Иосифа песнописца.

Канон этот как бы ощутимо связывает заветы песнопения Греческой Церкви с развитием церковного песнотворчества на Руси, как бы начертывает и указует пути его развития, делает реальным осуществление песнопевческого труда на нашей родине.

Преосвященный Филарет Черниговский указывает, что начало перевода богослужебных книг относится ко времени Ярослава Мудрого, что ранее не все книги богослужебные были переведены на славянский язык.

Вероятно, именно тогда был переведен и канон святым седмочисленным епископам, которые имели непосредственное отношение к земле Русской.

Святой Иосиф песнописец с присущей ему сосредоточенностью и одновременно с сохранением чувства значимости слова так воспевает подвиг священномучеников: «Божественными святолитии мученицы обливаеми, светоносный сей и светлый праздник ваш... хвалящыя, страстей мглы избавите»[89]. Здесь песнописцем руководит идея *света*. Далее развивается мысль о подвиге страдальцев; их священнослужении Богу и людям. «Слово Божие воплощься, вас показа... пастыри, Того возвестити Божество заблудшим... и неведением бедствующим»[90].

Все приведенные мысли святого песнописца были очень близки русским людям, занимавшимся переводом богослужебных книг,— ведь страна русская только что возникла к жизни от служения «мертвым богам».

Преподобный Иосиф песнописец ублажает святых священномучеников как «овчат различных городов», но «пастырей единех людей»[91] (песнь 6-я), и в заключительной 9-й песни величает их подвиг: «Днесь град Херсонь вашу память празднует,— свидетельствует святой песнописец,— сему бо явистеся столпи и божественна забрала и утверждение, пастыри, и учителие, и молитвенницы богоблаженнии»[92].

Так было положено начало освящения светом Христовой веры в земле нашей — в черте современного города Севастополя — в античном городе Херсонесе.

Были и другие свидетели веры Христовой в нашей земле в первые века христианства, но особо выделяется мученический подвиг семи святителей, освятивших наше отечество своею кровию.

* * *

В заключение прежде всего необходимо вновь коснуться вопроса о взаимоотношении древнерусской литературы и собственно русской литургической письменности.

Следует указать на основании данных современных исследователей, что в церквах и монастырях Руси XI—XIII веков имелось не менее 85—100 тысяч книг[93]. Филарет, архиепископ Черниговский, приводит длинный перечень этих книг, которыми в те века обладали русские[94], а церковный историк А. Доброклонский считает необходимым даже выделить в разделе духовного просвещения Руси того времени определенные разделы литературы. Так, он делит книги эпохи Киевской Руси на переводные и оригинальные и среди последних выделяет следующие разделы: 1) догматические, 2) нравоучительные, 3) исторические, 4) описательные, 5) канонические и 6) богослужебные[95]. Каждый из упомянутых разделов содержит известные имена и сохранившиеся литературные памятники, к которым примыкает и разбираемый нами раздел богослужебный.

Этот литургический раздел древнерусской литературы должен быть соотнесен со всеми разделами в области творчества слова в разбираемый период Русской Церкви и истории.

Не имея возможности оценить по существу наиболее значительные произведения древнерусской литературы в каждом из отмеченных разделов, следует сказать, что приведенные выше образцы русской гимнографии являются органически связанными *со всеми видами литературы в разбираемую эпоху, и отсюда, по указанию академика* Д. С. Лихачева, являются выразителями понятия: «литература есть процесс».

Необходимо указать, что и служба свв. страстотерпцам Борису и Глебу творения митрополита Иоанна представляет собой образец высокого догматического произведения, в котором к тому же отчетливо выражена идея гражданственности, в котором высоко оценивается факт принятия Россией христианства, которое написано под идеей возвеличения Церкви Христовой, как духовного организма. Важно также, что в произведениях, приписываемых блаженному иноку Григорию, «творцу канонов», чрезвычайно отчетливо отражена его индивидуальность, его отличие от стиля написания службы митрополитом Иоанном. Здесь прежде всего должен быть отмечен поэтический дар песнописца, его незабываемые образцы церковнославянского, древнерусского слова, его возвышенный дух творчества, его догматическая зрелость, овеянная духом живого исповедания, и, наконец, как и у митрополита Иоанна, его высокое сознание государственности.

Эти шедевры созидались в период XI — начала XII века; в более поздних произведениях епископа Иоанна Ростовского отмечается дух молитвенного святоотеческого мудрования.

В последней четверти XII века выделяется творчество святого Кирилла, епископа Туровского, как бы венчающего, заключающего песнотворчество великого периода Киевской Руси. Здесь мы имеем в виду именно его церковно-литургические произведения — молитвы его на все дни недели и его канон покаянный. Все исследователи его творчества безоговорочно признают его литургические произведения наиболее высокими по их сердечности, естественности и теплоте. Покаянный канон, по мнению архиепископа Филарета Черниговского, «...достоин того, чтобы благочестивое усердие имело удобства читать его во спасение» [96].

Следующий вопрос, на который необходимо ответить, разобрав творчество русских гимнографов, *насколько справились творцы службы с законами, укрепившимися в* греческой гимнографии, насколько могли уложиться в принятые узаконенные формы *греческого песнотворчества, насколько могли в этих принятых формах выразить* законы развивающейся древнерусской литературы в целом. Известно, что русский песнотворец стоял перед очень трудной задачей написать *полностью* всю службу празднуемым святым, чего не было в практике греческой гимнографии.

В приведенных выше примерах показано, что творцы служб святым справлялись с этой трудной задачей, отображая различные идеи, стараясь разнообразить форму выражения, использовать словарный запас языка, избегать повторений, иногда прибегать к известным литературным приемам, чтобы сделать изображаемый образ полнокровным, целостным. Как правило, для стихир брались различные основные темы. То же следует сказать и о канонах. Каждый канон и по своей основной идее, и по форме выражения отличался один от другого. Выделялись также наиболее торжественные, *начальные стихиры, тогда как в последующих могли быть выражены другие, искренние* мысли и моления.

Естественно, что при наличии отмеченных трудностей творцами служб допускались некоторые подражания или заимствования из соответствующих «классических» форм богослужебных греческих произведений, но никогда эти подражания не были полными. Авторы и в стихирах, и в канонах всегда сохраняли присущую им творческую индивидуальность. Даже обращения в первых тропарях канонов никогда не повторялись ни лексически, ни по смыслу.

Как уже указывалось, песнотворчество Греческой Церкви прошло долгую многовековую историю развития, естественно, что наблюдать этот процесс на протяжении относительно недлительного Киевского периода истории Русской Церкви нет возможности, это станет очевидным при изучении русского литургического творчества в последующие периоды истории.

Наконец, следует ответить и на последний вопрос о том, как взаимосвязано творчество русских песнотворцев с историческим периодом Киевской Руси.

Вряд ли здесь может быть дан однозначный ответ и вряд ли такой ответ может быть удовлетворительным. Однако, если коснуться только основных черт, можно сказать следующее.

Как всему периоду Киевской Руси присуще известное величие и значимость, так и песнотворчеству русскому, одному из выразителей общих законов развития древнерусской литературы («второму государству», по Лихачеву), присущ этот неповторимый величавый настрой.

Здесь и гений митрополита Илариона в его церковном слове об исповедании веры, здесь гражданственность митрополита Иоанна и его церковная проповедь, здесь замечательный талант инока Григория Печерского — творца канонов, воспевание им догматов святой веры и его исповедание благодати крещения для новых людей «росских», наконец, здесь и неповторимый образ святого Кирилла Туровского, взывающего в своих покаянных творениях к силам своей бессмертной души.

Несомненно, Киевский период в истории Русской церкви есть период весьма значительный, таящий в себе возможности дальнейшего развития Российского гимнографического творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Истрин В. А.* 1100 лет славянской азбуки. М., 1963, с. 100.
[2] Там же, с. 100—101.
[3] *Лихачев Д. С.* Тысячелетие письменной культуры восточного славянства и мир.— Иностранная литература, 1982, № 10, с. 183.
[4] *Улуханов И. С.* О языке Древней Руси. М., 1972, с. 10—14.
[5] Минея месячная. М., Синод. тип., 1913, июнь, 29.
[6] *Филарет,* архиепископ Черниговский. История Русской Церкви. Период первый. Харьков, 1849, с. XII.
[7] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы. СПб, 1884, с. 277 и далее.
[8] *Ключевский В. О.,* профессор. Курс русской истории. М., 1937, с. 22.
[9] *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество (по современным минеям). Париж, 1951.
[10] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы, с. 15—16.
[11] *Макарий,* митрополит Московский. История Русской Церкви. СПб., 1889, с. 98—100.
[12] Там же, с. 100.
[13] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы, с. 23.
[14] *Макарий,* митрополит Московский. История Русской Церкви, с. 119.
[15] Минея месячная, июль, 24, служба свв. муч. Борису и Глебу.
[16] Там же, 2-я стихира на «Господи, воззвах» (малая вечерня).
[17] Там же, 3-я стихира на «Господи, воззвах» (малая вечерня).
[18] Там же, 1-я стихира на «Господи, воззвах» (великая вечерня).
[19] Там же, стихира на стиховне, славная.
[20] Там же, 1-й канон, песнь 8, тропарь 2.
[21] Там же, 1-я стихира на «Господи, воззвах» (малая вечерня).
[22] Там же, 3-я стихира на «Господи, воззвах» (великая вечерня).
[23] Там же, 4-я стихира на «Господи, воззвах» (великая вечерня).
[24] Там же, икос.
[25] Там же, стихира на хвалитех, славная.
[26] Там же, 3-я стихира на «Господи, воззвах» (малая вечерня).
[27] Там же, 1-й канон, песнь 3, тропарь 1.
[28] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 1901, с. 701—727 и 850—851.
[29] *Греков Б. Д.,* академик. Русь времен «Слова о полку Игореве».— В кн.: Слово о полку Игореве. М., «Советский писатель», 1945, с. 14.
[30] Минея месячная, июль, 24, служба свв. муч. Борису и Глебу, 2-й канон, песнь 4, Богородичен.
[31] Минея месячная, июнь, 29, 1-я стихира на «Господи, воззвах».
[32] Октоих. М., Син. тип. 1893, канон Божией Матери в неделю утра, гл. 2.
[33] Минея месячная, июль, 24, служба свв. муч. Борису и Глебу; 1-й и 2-й каноны, песнь 1, тропарь 1.
[34] Там же, 1-я стихира на стиховне великой вечерни.
[35] Там же, 3-я стихира на хвалитех.
[36] Там же, 2-й канон, песнь 5, Богородичен.

[37] Там же, 2-й канон, песнь 9, тр. 2.
[38] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы, с. 23.
[39] Там же, с. 23.
[40] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви... с. 839.
[41] *Филарет,* архиепископ Черниговский. История Русской Церкви.... с. 109.
[42] Минея месячная, июль, 15, служба св. равноапост. кн. Владимиру; 2-я стихира на «Господи, воззвах» (великая вечерня).
[43] Там же, 3-я стихира на хвалитех.
[44] Там же, стихира на хвалитех, славная.
[45] Там же, 1-й канон, песнь 1, тр. 1.
[46] Там же, 1-й канон, песнь 1, тр. 2.
[47] Там же, 1-й канон, песнь 8, тр. 2.
[48] Там же, 2-й канон, песнь 4, тр. 1.
[49] Там же, 4-я стихира на литии.
[50] Там же, 1-я стихира на литии.
[51] Там же, 1-й канон, песнь 4, тр. 3.
[52] Там же, 1-й канон, песнь 6, тр. 3.
[53] Там же, 1-й канон, песнь 5, тр. 2.
[54] Там же, 1-й канон, песнь 9, тр. 1.
[55] Там же, 1-й канон, песнь 1, Богородичен.
[56] *Доброклонский А.* Руководство по истории Русской Церкви. Первый выпуск. М., 1883, с. 96.
[57] Там же, 1-й канон, песнь 9, тр. 3.
[58] Там же, 1-й канон, песнь 1, тр. 3.
[59] Там же, 1-й канон, песнь 9, тр. 1.
[60] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы... с. 23.
[61] Там же, с. 112.
[62] *Макарий,* митрополит Московский. История Русской Церкви... с. 100.
[63] Минея месячная, июль, 11. «Служба св. Ольги, княгини Российския». Канон, песнь 3, тр. 3.
[64] *Макарий,* митрополит Московский. История Русской Церкви... с. 100—101.
[65] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы... с. 113.
[66] Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. М., 1844, с. 84—87.
[67] *Филарет,* архиепископ Черниговский. История Русской Церкви... с. 79.
[68] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы... с. 34.
[69] *Голубинский* Е. Е. История Русской Церкви... с. 839.
[70] Минея месячная. Май, 23. «Служба обретению честнаго телесе иже во святых отца нашего Леонтия епископа Ростовского чудотворца». Тропарь.
[71] Там же, 3-я стихира на «Господи, воззвах» (малая вечерня).
[72] Там же, канон, песнь 3, Богородичен.
[73] Там же, канон, песнь 4, тр. 3.
[74] Там же, стихира по 50 псалме.
[75] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы... с. 37.
[76] *Доброклонский А.* Руководство по истории Русской Церкви... с. 71.
[77] *Филарет,* архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы... с. 37.
[78] «Журнал Московской Патриархии», 1983, № 7, с. 18 и 24.
[79] Там же, с. 24.
[80] Творения св. отца нашего Кирилла Туровского... Канон, песнь 7.
[81] Он же, творения... 4-я стихира на стиховне канона, с. 262—265.
[82] Он же, творения... 6-я стат. блаженн. канона, с. 264—265.
[83] Он же, творения... с. 194—195.
[84] Он же, творения... с. 240—241.
[85] Он же, творения... с. 244—245.
[86] Служба преп. Евфросинии Полоцкой по книге: «Служба преп. отцам Печерским...» — Киев, в типографии К.-Печер. Успенск. Лавры, 1900. Рукопись, тропарь, с. 264.
[87] Служба Всем святым в земли Российстей просиявшым. М., 1946, изд. Московской Патриархии, с. 11.
[88] Там же, с. 7.
[89] Минея месячная, март, 7. «Служба святых священномучеников в Херсоне епископствовавших...», канон, песнь 1, тр. 1.

Там же, канон, песнь 1, тр. 2.
Там же, канон, песнь 6, тр. 3.
Там же, канон, песнь 9, тр. 3.
Улуханов И. С. О языке Древней Руси... с. 16.
Филарет, епископ Черниговский. История Русской Церкви, с. 50—55.
Доброклонский А. Руководство по истории Русской Церкви... с. 65—77.
Творения св. отца нашего Кирилла, епископа Туровского... предисловие, с. 84.